

О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств

Письмо к господину NN

Воспроизводится по изданию: Н.М. Карамзин. Избранные сочинения в двух томах. М.; Л., 1964.
Оригинал здесь - <http://www.rvb.ru>

Мысль задавать художникам предметы из отечественной истории достойна вашего патриотизма и есть лучший способ оживить для нас ее великие характеры и случаи, особливо пока мы еще не имеем красноречивых историков, которые могли бы поднять из гроба знаменитых предков наших и явить тени их в лучезарном венце славы. Таланту русскому всего ближе и любезнее прославлять русское в то счастливое время, когда монарх и самое провидение зовут нас к истинному народному величию. Должно приучить россиян к уважению собственного; должно показать, что оно может быть предметом вдохновений артиста и сильных действий искусства на сердце. Не только историк и поэт, но и живописец и ваятель бывают органами патриотизма. Если исторический характер изображен разительно на полотне или мраморе, то он делается для нас и в самых летописях занимательнее: мы любопытствуем узнать источник, из которого художник взял свою идею, и с большим вниманием входим в описание дел человека, помня, какое живое впечатление произвел в нас его образ. Я не верю той любви к отечеству, которая презирает его летописи или не занимается ими: надобно знать, что любишь; а чтобы знать настоящее, должно иметь сведение о прошедшем.

Вы говорите о трех исторических картинах, уже написанных в нашей Академии художеств: содержание их достойно похвалы. *Взятие Казани, избрание Михаила Феодоровича и Полтавское сражение* представляют нам важные эпохи российской истории. Разрушение Казанского царства запечатлело независимость России, славно освобожденной от ига татарского дедом царя Иоанна Васильевича, истинно великим князем Иоанном. С воцарением Романовых отечество наше, говоря простыми русскими словами, *увидело свет*: мятежи прекратились, и Россия начала возрастать в величии и славе с какою-то удивительно стройною постепенностью. А Полтавское сражение утвердило или, лучше сказать, основало первенство России на севере. Я надеюсь, что художники, почтив таким образом сии три важные эпохи, удовлетворили и всем особенным требованиям искусства в изображении действия.

Зная совершенно историю нашу, имея вкус просвещенный и любовь к художествам, которая уже предполагает основательные сведения в их правилах и красотах, вы еще хотите советоваться с другими в рассуждении дальнейшего выбора предметов для живописцев и ваятелей. Мне остается быть благодарным за честь вашей доверенности -- и без дальнейших оговорок пустой учтивости отдаю вам на суд некоторые мысли свои, не вмешиваясь в права художников, а говоря единственно как любитель отечественной истории, имеющий только самую легкую идею о красотах искусства.

Я желал бы видеть на картине самое начало российской истории, то есть призвание варяжских князей в славянскую землю. Художник мог бы изобразить трех славных братьев с товарищами их на ловле, которая была любимым упражнением северных народов. Послы славян, чуди и кривичей окружают Рюрика; они уже сказали ему все то, что заставляет их говорить Нестор. Рюрик, опершись на лук свой, задумался. Синеус и Трувор советуются между собою. Некоторые из их товарищей занимаются ловлею; другие, узнав о прибытии славян, спешат к ним. Послы говорят друг с другом, удивляясь величественной красоте варяжских князей. Взоры их всего более обращаются на глубокомысленного Рюрика с желанием, чтобы он согласился повелевать землею славянскою, богатою, прекрасною, но смятенною внутренними раздорами. -- Художник отличит лица славянские от варяжских: первые должны быть нынешние русские, а за образец последних надобно взять шведские, норвежские или датские. Варяги были норманцы: сим общим именем назывались, как известно, жители упомянутых трех земель.

Если бы Гостомысл был в самом деле историческим характером, то мы, конечно бы, захотели его изображения; но Нестор не говорит об нем ни слова. -- Вадим *Храбрый* принадлежит также к баснословию нашей истории.

Олег, победитель греков, героическим характером своим может воспламенить воображение художника. Я хотел бы видеть его в ту минуту, как он прибывает щит свой к цареградским воротам, в глазах греческих вельмож и храбрых его товарищей, которые смотрят на сей щит как на верную цель будущих своих подвигов. В эту минуту Олег мог спросить: "Кто более и славнее меня в свете?"

Сей же князь может быть предметом картины другого рода -- *философической*, если угодно. Во всяких старинных летописях есть басни, освященные древностию и самым просвещенным историком